
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

ОЙКУМЕНА АМАРНСКОЙ ЭПОХИ И КРИТ

Живые содержания приводятся не
ко времени, а к единству значения.

*Б. Л. Пастернак. «Символизм и
бессмертие»*

Диалог между востоковедами и антиковедами, представленный в статье, ведется в недрах науки давно, как правило, благодаря переходу последних в востоковедение. При жизни И. М. Дьяконова и Ю. В. Андреева он включен в эпилог книги «Архаические мифы Востока и Запада» (Дьяконов 1990), а затем продолжен в сборнике «Syssitia». Ключевые моменты, взятые на большом временном расстоянии и компактной территории, обнаруживают механизм судьбоносных перемен наиболее четко. Поводом для продолжения диалога послужила книга Ю. В. Андреева «От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.)» (Андреев 2002)¹.

Речь пойдет о специфической роли *островного* региона в эпоху древности, когда сформировались универсалии мифологем как до-имперского, так и имперского периодов, включая приемы *совмещения этих двух систем прямо противоположной ориентации правозащиты*. Для выхода системообразующих цивилизаций из

¹ В разработке темы очень многое было подсказано мне А. И. Янковским и М. М. Лесницкой, методистом Эрмитажа; в осмыслении символики Средневековья решающей была информация В. С. Шандровской и М. Л. Пчелиной. Все построение диалога лежит на моей ответственности.

Средиземного моря в океаны, сначала в Атлантический, а затем в Тихий, значение Крита остается сопоставимым с ролью Великобритании на Западе и Японии на Востоке. Для Среднего Востока крайне важен остров Цейлон (Шри-Ланка) с его официально принятым двуязычием внутри государства и английским языком, как всюду, для внешних связей. Роль Цейлона и Крита сопоставима. Поправки на масштабы и ускорение перемен не меняют главного – оценки самой высокой сопротивляемости островных и горских цивилизаций мира.

Акцентуация Ю. В. Андреевым «темного периода» истории Эгеиды, который обычно рассматривается как нулевой, полемичность привлечения синхронных материалов очагов древнейших цивилизаций Месопотамии и Египта, тесно связанных с Критом и тем самым активно вовлеченных в **единый** процесс мироустройства, поднимают главный вопрос допустимых сопоставлений: какой регион Ближнего Востока обеспечивал непосредственные контакты с Критом и какого рода были эти контакты? Факт не просто преемственности, но и активного взаимодействия не подлежит сомнению.

Расцвет Крита в пору «старых дворцов» отсылает нас к первоначальному источнику средств для этой повсеместно дорогостоящей модели. Это «мост» цепочки Киклад – серии застав на пути каботажного плавания от берегов Малой Азии к Криту и обратно. Аналог челночной торговли наших дней – источника значительных отчислений в казну государства. Когда Киклады встали под опеку Крита, это было для всего побережья, не только для островитян, закреплением выхода в открытое море – на самый крупный и самый южный остров Элады. Чтобы понять структуру средиземноморской торговли, международной по определению, нужно видеть весь этот бассейн целиком, включая выход в Атлантику, а не только северную часть Средиземного моря, но главное – южную половину Крита, северный берег Африки и тылы побережья на этом гигантском континенте, важном для афразийских корней мировой культуры.

Морские течения вдоль побережья Малой Азии, мимо Родоса, гонят корабли с Востока на Запад (Buchholz 1982). Это направление *течений и сопутствующих им ветров* сразу же указывает на стартовую площадку международной торговли, направленной в сторону Крита. Это – узел сухопутных дорог Передней Азии, располо-

женный в Сирии, в том числе с выходом к Угариту (совр. Рас-эш-Шамра). Глиптика всех ближневосточных городов побережья имеет один и тот же отличительный знак – **анх**, крест с петлей наверху (якорь нашей картографии). Петлю этого знака, полностью стилизованного, держат *богини* (в пантеоне Египта). На всех языках средиземноморского региона море – женского рода. Согласие с Природой дает самое вожеленное – «покой и волю», но найти общий язык с грозной и своенравной стихией моря и приручить ее способен только Мастер. «Женственность» почерка мастеров/мастериц Крита – это признанная как благо защищенность Морем. Вазопись «морского стиля» любит осьминогом именно потому, что он способен парализовать и убить пловца. В слаженном хоре мастеров острова отчетливо слышны партии ведущих солистов – отсылающих инновации Крита к *интровертной* культуре Египта и принимающих на Крите отклик в виде египтизирующих мотивов из *экстравертного* по определению региона Сирии. Трудность различения сиро-палестинских и сиро-хеттских вещей известна всем, кто занимался изобразительными памятниками прибрежной полосы Ближнего Востока. То и другое объединял мощный поток хурритской культуры. Пантеон Угарита наполовину аморейский, наполовину – хурритский (Шифман 1987). Общеизвестна изысканность хурритских гематитовых (железняк) печатей. Название этого популярнейшего во II тысячелетии до н. э. камня объясняется поверьем, что он останавливает кровотечение. Полицентрические эпохи отнюдь не бескровны.

Порицая приморскую вольницу, пророк Иезекиил кодирует собирательно ее этническую принадлежность под оба региона, которые лидировали во II тыс. до н. э.: «отец твой аморей, мать хеттеянка» (16:3,45). Здесь царствует традиционная культовая и коммерческая практика: «на горах ест жертвенное ... бедного и нищего притесняет ... в рост дает и берет лихву» (18:11–13). Обреченность героя этой среды видится пророку в тщете вскармливания львицей своих львят. Первый из них, повзрослев, охотился, ел людей, был пойман, посажен в клетку и продан фараону Египта; второй львенок делал то же самое и был продан царю Вавилона (19:1–9). Меру глубины истоков *культурогенеза*, сохраняемых тысячелетиями в устной традиции, раскрывает археология наших дней. Клинопис-

ный архив аморейской Эблы (Сирия, Телль-Мардих), относящийся к III и II тыс. до н. э., в самых ранних актах, протоаморейских, *показывает стадию развития семитских языков до их разделения*, в частности до обособления арабского (Diakonoff 1984). Образ «матери-хеттеянки» Иезекиила уточняют клинописные архивы хеттов. В архиве столицы хеттов Хаттусы (совр. Богазкей) представлены хурритские религиозные тексты. Среди них переводы на хеттский (индоевропейский) язык с хурритского (Дьяконов 1990). Ключевой для нашей темы – это «Песнь об Улликумме». Значение имени – «разрушитель (Города Богов) Кумме». Это гигант, зачатый Кумарве («Создатель Града Богов») в скале и укорененный *среди* моря. Гигант был создан ради мщения юным богам, Шавушке и ее близнецам-братьям.

Юные боги – это откушенные и проглоченные (ср. Исиду) Кумарве гениталии (егип. знак NEFER – опрокинутый критский лабирис) бога Ану. Отец Кумарве, Ану, был изгнан сыном на Небо ради захвата власти на Земле; отец Ану, Алалу, тем же порядком был изгнан в Преисподнюю – так сложилась *вертикаль власти, с присутствием ей вращением по воле ветра*. Юные боги в свою очередь захватили Город Богов. Комедийные подробности «гигантомахии» – битвы против того, кто грозился встряхнуть небо, как пустое платье, и всех богов разогнать, как птиц, – порожденье фольклора приморской вольницы. Связь жанра с Критом прямая – стоит обратить внимание на изображение на каменном сосуде, найденном в Айя Триада, близ Феста (Андреев 2002: рис. 63). Сосуд размерами, формой, размещением сюжета и стилем очень близок серебряному сосуду из Куль-Обы в Особой Кладовой Эрмитажа, хотя сюжет иной. Разудалую ватагу, вооруженную вилами и топорами, орущую песнь под звон систра, возглавляет персонаж в чешуйчатом облачении («в чешуе, как жар горя», – о морском дозоре острова). Теми же приемами изображен Улликумме в театрализованном сюжете мифа о Кумарве на знаменитом золотом ведре, найденном в Хасанлу. Известен сценарий представления такого рода в эламоязычной версии по мотивам встречи Гильгамеша, уstraшенного смертью своего двойника, Энкиду, на краю света с Девой Сидури (элам. *Šiduri*). Он предназначался для праздника бракосочетания урартского наследного принца и эламской принцессы (Diakonoff, Jankowska 1991). Сюже-

там хуррито-урартского круга была суждена долгая жизнь как на Востоке, так и на Западе.

Истоки формулы Иезекиила раскрывает архив дворца Угарита. Он содержит записи двумя разными системами клинописи: традиционной на аккадском, восточно-семитском, языке и *дублирующей* формулу аккадоязычных деловых текстов собственной, западно-семитской квазиалфавитной клинописью. Эта клинопись, в отличие от классической, шумеро-аккадской, проста, немногосложна и совпадает в своей основе с квазиалфавитной персидской версией, с которой и началась расшифровка забытой клинописи, предпринятая учителем гимназии Г. Ф. Гротефендом. Хронологический разрыв между этими двумя вариантами квазиалфавитной клинописи в целых восемь веков и узко декларативное применение персидского письма открывают суть воскрешения самого элементарного образца. Это был акт архаистики, предпринятый ради возвеличения династии Дария I, подобный славословиям писцов царю-грамотею Ашшурбаналлу, последнему значительному правителю Ассирийской империи. Иначе было с употреблением исходной версии: новоизобретенным в Угарите письмом были записаны не только хозяйственные тексты и юридические акты, но и литературные сочинения. Важнейшее для нашей темы – миф о Керете, династия которого вымерла и была спасена женитьбой царя на хурритке. Она родила ему семь сыновей и семь дочерей, и еще сверх того сына и дочь. Хурритки были многодетными красавицами, поэтому хурритки ТадуХепа и ПудуХепа (Хепа/Ева по И. М. Дьяконову) были приняты в жены фараону Египта в дар от царя Митанни, хурритского центра в Северной Месопотамии. Хурриткой, судя по ее намерению во вдовстве взять в мужа хеттского царевича, была и Нефертити, тронное имя ее означает «прекрасная пришла» (жених был убит по дороге в Египет). Хеттские царевичи брали в жены красавиц-хурриток, с ними в Хаттусу пришли волшебницы-старухи (цикл ŠU.GI). Их манипуляции с кинжалом жениха над юной богиней Девой, Шавушкой, обеспечивали, по идее, отвагу потомства. Богиня Дева рассматривалась как подательница лвиной энергии (Hirsch 1972), как шумерская Великая Богиня (это значение ее табуированного имени – Гула). Она популярна с III тыс. до н. э. вплоть до эллинизма, когда всюду почиталась как Эреш-кигаль –

«Хозяйка Кладбища», где кладбище – это мифологема стабильности любого социума. Атрибут Гулы – Большая Собака (UR.MAH), Лев (созвездие Льва рядом с Большой Медведицей // Боевой Колесницей ассирийцев).

Этноним хурритов читали ошибочно как «харри», отождествляя их с арийцами. Отождествление соблазнительное, потому что они были конниками и ввели боевые колесницы и пластинчатые доспехи для всадника и коня. Запись этнонима в трех слогах (хур-ри) вместо двух (хар/хур-ри) погасила эту спекулятивную фантазию в науке (Дьяконов 1970), но не в пропаганде превосходства очередного гегемона.

Популярная по сей день наивная концепция генетического наследования поведенческой модели как пресловутого «менталитета» продолжает успешно пропагандироваться, поэтому заслуживает упоминания. Игнорируется главное условие исследований такого рода – нерасторжимость трех корней этногенеза, *ареалы которых никогда не совпадают* (Он же 1993). Истоки концепции коренятся в «смутном восприятии некоторых идей позднегерманского романтизма и псевдонаучных теорий о превосходстве германской расы (включавшей якобы немцев, австрийцев, англичан и скандинавов) над другими расами (причем раса понималась не в научном смысле, как сочетание известных внешних биологических черт, но и как язык и даже как мнимые общие “ментальность” и “культура”» (Он же 1994: 240). Спасительные для жизнеустройства нормы поведения «всасывают с молоком матери» лишь благодаря основательной домашней выучке, принятой в данном сообществе для воспитания детей, долее всего хранимой у горцев. Механически внедренная конфессия, снимающая «предрассудки», может лишь разрушить воспитанные с «младых ногтей» охранительные нормы, на которых держится самоуважение человека, и привести к его глубокой деморализации. От этого не защитит и самая оснащенная институция, как показали события наших дней. Модель достойного поведения выстраивается не сама по себе, но исподволь непрерывно заново воссоздается воспитанием. Преданность как норму высшей добродетели принимают выучиваясь. Так, по данным психолога Т. Шибутани (Shibutani 1978: 73), при адаптации к менее строгой среде (ассимилянты американского побережья) добровольное усвоение чужого

языка и чужих навыков воссоздает с трудом высокий образец и с легкостью – низкопробный.

Особенности культурогенеза архаики видны как в культуре, так и в языке хурритов. Язык хурритов относится к группе эргативных (Хачикян 2002: 314–326). В таких языках действующее лицо выражено косвенным падежом. Этой особенности соответствуют не только формы глагола, но и конструирование синтаксиса (Канева 2002). Конструктивно близки хурритскому эламский, по МакАльпину, родственный тамильскому языку (остров Цейлон), и шумерский язык, по последним исследованиям И. М. Дьяконова, близкий современным языкам мунда – дравидам Индии (Дьяконов 1998). В передаче средствами аккадизированной (семитоязычной) клинописи оба языка, хурритский и шумерский (эламский имел свою клинопись), фиксируют формы имени и глагола в основательной переработке под семитские нормативы. Языковые системы, известные как эргативные, отражают осознанное подчинение человека строжайшим законам Природы. Законы эти действуют помимо успехов прогресса, далеко не всегда играющего положительную роль, так как с очевидным нарастанием лидируют хирургические приемы «лечения» дефектов цивилизации ввиду соблазнительности имперских амбиций, которые приводят к злоупотреблению потребностью в священной свободе, жизненно необходимой всему живому.

Хурритская культура играла наряду с аморейской, более изученной, важнейшую роль в Сирии II тыс. до н. э. Укажем на истоки этой культуры. Переполнение Куро-Аракской низменности в результате демографического взрыва на Кавказе заставило хурритов в конце III тыс. до н. э. спуститься оттуда в Переднюю Азию двумя потоками: вдоль предгорий Загра, где был расположен их культовый центр – Город Богов (хурр. Аррапхэ // аккад. *Āl-ilāni*, совр. Керкук), и вдоль средиземноморского побережья в Угарит и другие города Сирии. Названия хурритских городов этих двух потоков, приморского и предгорий Загра, дублированы. Важнейшими из них для темы международных коммуникаций были Абена на территории Аррапхи и Убе (совр. Дамаск). Названия обоих городов передаются идеограммой ANŠE.KU(R).RA – «горный осел». В отличие от степного мелкого осла это рослый мул предгорьев – главное транспортное животное для всей эпохи древности. Деловая доку-

ментация Угарита содержит записи о формировании экипажей для заморских плаваний, в том числе и на Крит. Город стоит не на самом берегу, там гавань, Аль Мина (устье реки Оронт), а поодаль. К этой же гавани имел выход Алалах (совр. Телль Атчана) – исходно хурритский город. Оснастка парусных кораблей, которые отсюда шли на Крит, – дело очень непростое. Открытым морем эти корабли не ходили, хотя и могли ходить, как показал опыт рейдов Тура Хейердала. Они передвигались по цепочке стоянок, опасаясь шторма и пиратов; *жили в пути* в течение всего навигационного периода, поэтому знали многое о своих партнерах.

Крайне важно иметь в виду не только путь с Востока на Запад, но и *обратный*, обычно упускаемый из виду в работах, касающихся островной Эгеиды. Историю этого региона принято рассматривать как часть материка, связанного с нею на северном направлении, игнорируя южное, берег Африки. Крен в другую сторону дают работы, касающиеся Египта, в которых традиционно опускают северное направление. Главным для восточных контактов Средиземноморья был сирийский регион. Тылы его во II тыс. до н. э. обеспечивали хурриты (Митанни) и амореи. В Месопотамии династия ШамшиАдду I в Мари и в Ашшуре была не ассирийской, а аморейской. Точно так же, как династия Хаммурапи в синхронной Вавилонии, по традиции преемственности культур именуемая старовавилонской, по этнической принадлежности этой династии была аморейской, точнее, южно-аравийской (Янковская 2003: 74–80). Амореи пришли из юго-западного региона Ближнего Востока, картография которого давно нуждается в пересмотре с учетом деловых связей с Африкой. Самый подступ к афразийскому этимологическому словарю, который важен и для Крита, был обеспечен материалами бесписьменных языков Африки (Порхомовский 2002: 249–258). Надежные реконструкции для контекста в таком словаре предполагают не только владение аналитическими методами обработки материала, но и осведомленность о социально-психологических мотивах деятельности с учетом радикальных перемен в ориентации правозащиты (Янковская 2002: 69–73)². Эти перемены

² Под правозащитой мы имеем в виду комплекс социальных механизмов, отчасти институционализированный, отчасти – нет, обеспечивающий мирное и деятельное существова-

заложены в механизме чередования фаз мировой истории, как показал И. М. Дьяконов в своей последней книге «Пути истории» (1994). Переключения с центростремительной фазы (ее пределы – нищета и вымирание) на центробежную (ее пределы – хаос и катастрофа) можно фиксировать по смене доминирующих сюжетов личных печатей, представленной массовой продукцией ювелиров всех периодов истории Ближнего Востока. Обилие клинописных архивов позволяет определить ориентацию правозащиты и по изменениям в репертуаре личных имен. Крит, как убежище свободомыслия, дает обозримую картину не только чередования этих двух фаз, но и приемов их *контаминации*.

Путь с Запада на Восток, пользуясь попутными ветрами и течениями, можно было проделать только вдоль берегов Африки (Buchholz 1982). На южном берегу Крита, ориентированном на этот *обратный* путь, главным дворцовым центром, разгромленным в преддверии «темного периода», были Фест и неотожествленный пока соседний (в 3 км от него) комплекс дворца Айа Триады. Эти два центра, связанные между собой, превосходят более популярный благодаря реставрации Кносс, расположенный на северном берегу Крита. Против Крита за морем лежат области арабского *Магриба* (аккад. *Амуррум* – «Запад»). Это был край света для греков: на месте современного Бенгази в V в. до н. э. известна колония Гесперид (дочери Атланта, хозяйки *золотых* яблок). От островов Гесперид (Зеленый мыс) до самой дельты Нила идет широкая полоса карстовых пещер. До них около 200 км морем, считая от корабельного причала на острове Гавдос. Североафриканские партнеры могли предложить продукты охоты и скотоводства, как показано в росписи на каменном ларнаке из Айа Триады (Kofou 1992: 46–47): темнокожие дарители, изображенные на голубом фоне моря, несут слоновый бивень и двух пестрых тельцов к статуе прото-Диониса, стоящей под лестницей; темнокожая арфистка сопровождает белую жрицу с двумя ведрами на коромысле, обе идут к паре лабрисов. Лабрисы – сим-

ние членов данного общества. Его ориентация на те или иные ценности, вернее, на ту или иную ценностную тенденцию может меняться во времени; смена этой ориентации связана, по И. М. Дьяконову, со сменой фаз исторического процесса. Сама же тенденция (ориентация правозащиты) опирается на глубинные психологические принципы экстраверсии и интроверсии, описанные в общей психологии.

вол власти острова над двумя морями: на юге – Ливийским, отделяющим Крит от Африки; на севере – Критским, отделяющим Крит от Пелопоннеса. В чан между лабрисами служанка льет вино. Время будущих Больших Дионисий приурочено к весеннему равноденствию, когда новое вино было уже достаточно выдержано – это также срок открытия навигации. Служанка и темнокожие адоранты изображены в юбках из шкур (одежда обитателей пещер) в отличие от двух жриц, одетых в нарядные цветные платья (обитательницы дворца). Постамент одного из лабрисов того же цвета, что и темнокожие адоранты, постамент другого – белый. Фигуры телят в «летащем галопе», как в пещерной живописи Франции, совпадают с макетом тельца, через которого прыгает гимнаст.

Корабельный лес, кипарисы, критяне, по-видимому, могли сплавлять по течению на африканский берег. Кипарис и позже был экспортом Крита. В свой черед Африка располагала нефтью (Бенгази) и тем самым смолой, необходимой для обмазки судов. Так строился ковчег месопотамского Ноя (эпос о Гильгамеше). Чертеж ковчега был подсказан герою потопа Утнапиштиму мудрым Эйей, Мастером. Кстати, пропорции ковчега соответствуют мореходным XIX в., как заметил знаменитый кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов.

Мастер, Дедал Крита, как известно, изобрел крылья, то есть паруса, уловляющие ветер, необходимые для плаваний в открытом море. Африка располагала важнейшим для повседневной жизни человека продуктом – солью и престижным металлом, золотом (Гаудио 1977). Высокие петли ручек сосудов в додворцовой продукции Крита стиля камарес (Kanta 1998: 30) воспроизводят петли узорных мешков с узкой горловиной для соли, которые подвешивают к седлу, – такие до сих пор делают на острове. Портретные головы предков африканского племени йоруба, выставившиеся в Эрмитаже, поразительно близки амарнским. Негритянские корни династии (Тия, мать Эхнатона) общеизвестны. Трансафриканские дороги идут пустыней, пользуясь выходами подземных резервуаров воды. Самая широкая и прямая полоса подземных рек (Goblot 1979) связывает север Африки с регионом озера Чад. Афразийская лексика, отражающая реалии колодезных систем этой дороги, содержится в материалах О. Столбовой (2002: 268–279). Техника извлечения во-

ды из-под земли с помощью примитивных ветряков на Крите широко применяется по сей день (плато Ласитхи). Эти ветряки вызвали к жизни мотив *верченья* Минотавра, характерный для монет Крита.

Отмеченная М. Э. Матье карикатурность ранних амарнских рельефов свидетельствует о чужеродности этого стиля для Египта. Канон этого стиля сложился в росписи: критская стенная роспись дворцов, иногда слегка моделированная рельефом, очень близка амарнской. Со временем в Фивах, еще более удаленном от дельты по сравнению с Тель-эль-Амарной городе, мастера этой страны блестяще освоили критскую инновацию (Матье 1965). Наставником Эхнатона был критянин. Без объединения этих двух путей, с Востока на Запад и обратного, талассократия на Средиземном море немыслима, а Крит – узел, связывающий оба пути. Успех укоренения финикийских колоний на побережье Африки до самой Испании, где берег сближается с европейским континентом, позволил обойти заставы Крита. Безуспешность попыток подчинения свободной торговли контролю Рима привела к разрушению Карфагена.

Для обеспечения балансных платежей международной торговли огромное значение имели древние разработки серебра и олова в Малой Азии близ Тарсуса, родного города апостола Павла. Канишские торговые колонии XIX в. до н. э., расположенные близ главного перевала, «Киликийских Ворот», имели выход к нефтеносному району, важному для кораблестроения, и по реке к заливу Александретта. Среди эпонимов-казначеев центральной конторы международной торговой ассоциации Каниша (близ Кейсери, Турция) есть мореход. В связи с этим важно упоминание в клинописных текстах этнонима ахиява, ахейцев. Гребцов всегда брали из островитян. Этноним ахиява записан в хурритской транскрипции: конечное -ва – это аффикс принадлежности (нисба). Серия торговых пунктов цепочки канишской ассоциации вела не только на юг и запад, но и на север, к реке Галис, а по ней – в Черное море (Steiner 1993: 579–599). Тем самым столица хеттов Хаттуса (совр. Богазкей) могла блокировать оба выхода свободной торговли к морям. На этих отчислениях в казну из доходов транзита свободной торговли и выросла великая держава хеттов, пролог службы коммеркиариев Византии.

На каждом из концов кругового каботажного объезда по берегам Средиземного моря происходила, несомненно, если не полная, то частичная замена кораблей и команды. Так было даже в менее опасных сухопутных перебросках караванов. На концах сухопутного пути через всю Переднюю Азию к Средиземному морю меняли упряжь и особых мулов, которых выводили в Дамаске (др. Убе) и в Абена (город в Аррапхе, бассейн Адейма, притока Тигра, Загрос). В караванах одновременно могло быть занято до 400 мулов, каждый поднимал 75 кг. Мулы не способны размножаться. Степной источник отлова самок онагра для разведения мулов восходит к VI тыс. до н. э. Главным поставщиком рослых жеребцов (степные породы непригодны), необходимых для этого дела, была Армения. Знаменитый центр селекции коневодства с использованием альпийских лугов глубинного горного района армянского Тавра – это Сасун (асс. Шубарту). Субареи – архаичное название хурритов-скотоводов в клинописных текстах Ассирийской империи. Снаряжение транспортировки – главный накладной расход в торговле по сей день. Поэтому каждый из компаньонов заморских странствий брал на себя расходы по экипировке только **в один конец**. Это заставляло иметь постоянного контролера, а тем самым и диаспору, на другом конце пути: критянин сидел в Угарите, угаритянин – на Крите. Фестский диск – свидетельство пребывания на Крите афразийской диаспоры. Изображенные на нем корабли, полностью идентичные помещенным на кикладских «сковородках» (глиняные модели барабанов, пробуждающих от сна), и распластанные козышки (материал для обуви и письма), – ключевые знаки морской торговли. Принцип партнерской организации дальних перебросок обеспечивал сбор товаров на одном конце дороги «втридешева», с тем чтобы удалось перепродать на другом конце втридорога. Дальние переброски были источником баснословных доходов, а вместе с ними и возможности жить комфортно для основательно укореившейся диаспоры. Если ее положение было ненадежным, то расчетливость мешала тратиться на чужбине.

Отследить систему *перекрестного* представительства компаньонов, подробнейшим образом документированную в полутора сотнях частных архивов Каниша, не составляет труда по находкам крито-микенских вещей в Угарите и угаритских, в том числе егип-

тизирующих, свойственных всем городам побережья Ближнего Востока, на Крите. Из показанных в книге Ю. В. Андреева вещей этого рода самые знаковые – это пара очень близких печатей: одна с Крита, другая – из Сирии. На обеих изображен в центре композиции один и тот же мотив – крутящееся веретено (гончарный круг), которое в одном случае фланкируют две Девы с колосом (Тилисса), в другом – два Куроса: один из них с колосом, другой с бумерангом (Телль Атчана, Алалах).

Подстраховку партнеров на разных концах дороги обеспечивала молодежь. Обычай воспитания подростков не в своем доме, поближе, а в доме компаньона, подальше, помогал строгому тренингу («ежовые рукавицы» для Пети Гринева из «Капитанской дочки»). Такова основа аталычества на Кавказе: мальчика отсылают жить туда, где он получит трудовое воспитание, чтобы он научился справляться с трудностями без участия матери. Такому же испытанию подвергается невеста в доме жениха.

Привозные драгоценные вещи на Крите находят не только в главных дворцах (свои и чужие мастера), но и в рядовых жилищах и рядовых погребениях. Это партнеры в структуре неформальных деловых связей. Если бы в Канише не было архивов торговых домов, никто бы не знал, что это международная ассоциация (Янковская 1985б: 3–8; 1986: 17–24), в оптовой торговле которой принимали участие посланцы стран со всего света – треть имен, занятых в совете общины (48 имен g/k 118), пока не удалось идентифицировать (Janowska 1967). Никто бы не знал и о присутствии выходцев из городов Северной и Южной Месопотамии в каруме Каниша, если бы не было их частных семейных архивов. Утварь в домах торговцев Каниша сирийская и местного производства. Убеждение историков в преобладании в каруме Каниш ашшурцев также не соответствует действительному полиэтническому составу ассоциации. Значительная часть ашшурских имен списка главных действующих лиц совета, также как торговцев вне его состава, присвоена членами ассоциации взамен своих, трудных не только для слуха аккадоязычного писца, но и для несовершенной клинописной графики. Это очевидно по аборигенным отчествам мнимых ассирийцев.

Свободная торговля с центром в Канише достигла своего апогея и свернулась по формуле, свойственной этому роду деятельно-

сти по сей день. Миллионер-оптовик ИмдЭл (аморей) упразднил свое торговое дело в Канише ввиду ужесточения контроля местных властей. Дома богатейших членов ассоциации были разгромлены; крупнейший кредитор купцов, Пушукен, арестован – сдан собственными коллегами местным властям. Нагнетание дискомфорта внутри ассоциации очевидно из серии пространственных судебных процессов (Eisser, Levy 1930; 1935). Торговля таких масштабов, какие наблюдаются в архивах Каниша, не может быть привязана к одному городскому центру и тем более к одному этносу. Торговцы всегда *балансируют между культовыми центрами, способными их защитить от жестокой конкуренции между диаспорами.*

Синхронный Криту Ближний Восток II тыс. до н. э. дает документально сеть торговых объединений трех родов: 1) самый высокий уровень сотрудничества дают два десятка разноплеменных автономных торговых пригородов – постоянные (карумы) и временные, в шатрах (вабартумы), с центральной учетной конторой в Канише; 2) полностью самостоятельная торговая синюкия аморейских племен с коллегиальным управлением типа автономного города – карум Сиппар в Южном Двуречье (Collon 1993: 117–119) (Сиппар был связан с Канишем и по самому длинному притоку Тигра, Дияле, имел выход на Иранское плато [Went Lamnia Al-Galiani 1993: 659–662]); и, наконец, 3) город, фильтрующий международную торговлю, *genius loci* которого, бог Ашшур, «небесный Лучник», был безбрачен и считался «царем обоих миров», подобно Аполлону (бог чумы у этрусков). Это блокиратор свободной торговли – казначейский центр державы, который дал название империи (Янковская 2002а: 353–363). Распространенный на Ближнем Востоке тип торговой ассоциации оставил уникальное собрание документов – полтора десятка *семейных, фирменных*, архивов – всего более 15 тысяч актов (Bilgiç, Baum 1990/1995) за период около двух столетий (XIX–XVIII вв. до н. э.). Преобладает деловая переписка, позволяющая проследить за ходом формирования банковских операций. Их уровень – кредитные записи на предъявителя (вексель), *договорный процент и начисление сложного процента.* Сохранился устав общины, определяющий порядок созыва *народного собрания*, генеральную проверку счетов и т. п. Сокращение документа-

ции в связи с притеснением купцов, а затем и полное исчезновение архива в Канише отнюдь не означало прекращения торговой деятельности, но лишь перебазировку центрального банка. Судя по операциям канишитов, в обращении ходили образцы орудий труда и оружия, сырье для ремесел, в том числе тонны меди, бронзы, белой и крашеной шерсти, шкуры, мед; изысканные ткани и драгоценная посуда наполняли поток «живых денег» наряду с благовониями. Ткацкий промысел стал ведущим, и в керамике (тара!) появился особый стиль декора: *геометрический* орнамент «темного периода», характерный для домашних ткацких промыслов; он был иным, когда тон задавали стенные росписи дворцов.

Высокий профессионализм ремесленных изделий Крита свидетельствует о консолидации мастеров. В хурритской Аррапхе, отличающейся среди синхронных ей стран Ближнего Востока, подобно Криту, изысканностью расписной керамики, существовала особая форма организации ткачей, красильщиков тканей и керамистов. Все они имели родовые укрепления для обитания больших семей, специализировавшихся не только на определенном роде ремесел, но и на торговле, которая их всех выводила на рынок. Это башенные комплексы (*dimātu*), распространенные в Сирии (Янковская 1963: 35–55) и Африке. Принадлежность этих укреплений общинному самоуправлению на всей планете, включая Дальний Восток и Месоамерику, аргументирована М. И. Джандиери (1981: 118–155). Расхожие реконструкции исторического развития опускают эту базовую систему, выдвигая на первый план сиюминутные геополитические амбиции.

Аналог общинного оборонительного центра, с нашей точки зрения, представляют укрепления Айа Триады близ Феста. Во дворце Кносса облику Айа Триады соответствует непарадная половина его: стоптанные ступени «театральной» лестницы, снабженной сбоку гигантской мраморной парой «рогов посвящения», были местом общего собрания граждан и присяги (Янковская 2003: 74–80).

Альтернативные убежища ткачей и керамистов Крита – это пещеры, используемые как жилье и как святилища. Одна из них – Психро в горной подкове хребта Дикте, предполагаемое место рождения Зевса в каменной мантии из сталагмитов («в рубашке»),

как счастливое дитя), другая – на южном склоне священной горы – пещера Камарес. У тропинки подъема к пещере бьет родник. Из него по сей день водовозы берут питьевую воду. Аналог Дедала, общесемитский Эйа, был хозяином питьевой воды артезианских колодцев (Янковская 1994: 216–219).

Формы посуды Крита, более 108 типов (Андреев 2002: 660), большей частью присущи металлическим образцам, а не глине. Металл шел из Малой Азии, и блокировка этого источника в Трое, укрепления которой неоднократно разрушали не без участия ахейцев, стимулировала изощренность форм и декора керамики. Кувшины для вина представлены такими формами, как в ритуальных сценах на замечательной вазе XVII в. до н. э. из Инандыка, близ Анкары (Özgüç 1988). Это ритуальный центр почитания Великой Хозяйки Тавра (Янковская 1977: 73–79). По текстам Каниша известно использование серебряной посуды (то же в Микенах). Так называемые «соусники» Крита – отличительная особенность его керамики – скорее были как винными кувшинами, так и масленками. В тавернах острова и сейчас на каждом столе два сосуда: с оливковым маслом и винным уксусом.

Объем изъятых из обращения ценностей и дефицитных материалов на складах *частной* таможенной заставы Трои был грандиозен. Для интересующего нас компаньона Крита, Сирии, можно представить масштабы сборов транспортной заставы II тыс. до н. э. по находке тонн бадахшанского лазурита в аморейской Эбле (совр. Телль-Мардих). Погашающие блокировку сырья имитации этого драгоценного материала в виде фаянсовых изделий широко известны в Египте, на всем побережье и на Крите. Главные «копилки» ценностей располагались, как правило, в хорошо упрятанных погребениях. Таков толос, известный под названием «сокровищницы Атрея». Весьма наглядно описание в хурритской «Песни об Улликумме» схождения к мертвым Мастера Эйи (аналог критского Дедала): тошнотворный тлен и прах, но именно там, под печатями, хранился резак, которым только и смогли отделить от скалы Улликумме, чтобы с ним совладать. В образе этого Титана – скалы среди моря – прочитывается возможность свержения богов. В отношении к богам как не всегда заслуживающим почета видна основа многобожия и перемен в пантеонах, свойственная древно-

сти. Хрестоматийное арабское наставление рекомендует страннику перед началом путешествия поинтересоваться не вероисповеданием попутчика, а его умом.

«Копилки» застав на дорогах – главное зло нормально функционирующего международного обращения – приводят к стремлению насильственно упразднить границы, а тем самым к чередованию гегемонов, к замене сильного сильнейшим. Если сделки не обеспечены товаром, то деньги «голодают», а ссудные акты «мертвы» (Veenhof 1987: 41). Уловление благоприятной для товарооборота ситуации стимулирует ускорение денежного обращения. Наполняли паруса морской торговли как посредники, так и мастера. Замечательно падение весовой нормы сикля в серебре и золоте (конкуренция посредников) при возрастании ее в медном эквиваленте, то есть в разменной монете, которая идет на пропитание работников (Янковская, Янковский 1995: 127–133). Иноземные кварталы самых состоятельных канишитов аскетичны: тесны и лишены дорогого инвентаря, в отличие от домов местных торговцев – просторных и благоустроенных. Для них в отличие от иноземцев, которые зависели от политической конъюнктуры, не было ограничений в правозащите. Аскетичны и деловые центры Крита вне дворцов: мастера должны быть готовы к перемещению в более благоприятный для их занятий регион. Гегемон, рассматривающий города как своих данников, вынужден расширять границы державы из-за оперативной перебазировки торгово-ремесленных центров за пределы подвластной ему территории. Это секрет угасания городов (Янковская 1956: 28–46) и разрастания волн периферийной урбанизации (Liverani 1988).

Исследование Ю. В. Андреева делает очевидным перелом в истории Эгеиды в период «темных веков», когда этот регион потерял свои контакты с Ближним Востоком и был переориентирован на «дикую», северную периферию ойкумены (урновые захоронения // ларнаки Крита). В этот период Ближний Восток стремительно менял ориентацию правозащиты, культивируя самоутверждение властей земных как небесных (Güterbock 1993: 225–226). Это реакция на тупик хаотичного развития, ощущаемый как катастрофа. Идеальный порядок, свойственный лишь Небесной Тверди, был изучен астрологами для культового календаря (Янковская 1996а: 28–35).

Схема его универсальна для всех без исключения деловых центров. Наиболее последовательно идеальный календарь использовался в расчетах, опорных для денежного обращения. Употреблялся как эталон при установлении правопорядка с ужесточением контроля над хаосом неформальных структур. Именно это обстоятельство способствовало опрокинутости мировосприятия, общеизвестной для мифологем Египта. Перевернутое видение мира наглядно обнаруживается в ключевом символе предельно централизованного государства Египта при сравнении его с аналогичным символом полицентричного Крита (NEFER/ЛАБРИС). Равноудаленный от Евразийского и Афразийского регионов, Крит сохранил мифологемы архаики в своей культуре по сей день.

Подчинение Микенам укрепило Крит как автономную базу дворцового периода. Доказательством консолидации участников автономии служит появление собственной денежной единицы – в эллинском круге – драхмы. Введение единого эквивалента – знак существования взаимного кредита (основы свободной торговли во все времена), неизбежно стремящегося к унификации, к единому банковскому центру. Это позволяет очередному гегемону «сорвать банк» и перейти к системе подконтрольного распределения, урезав возможности свободной торговли в пользу центральной резиденции. Весовая мера драхмы в исторический период Эллады равна полусиклю, характерному для торгового узла в Сирии как во II, так и в I тыс. до н. э. Лингвистический анализ термина «драхма», произведенный Н. Н. Казанским, напомнил о примечательном исходном значении этого термина – «горсть» или «пучок». Реалии синхронного дворцового периода на Ближнем Востоке позволяют уловить связь с формированием главной денежной единицы – сикля (термин сохранился по сей день в Израиле). Полный сикль соответствовал весу пары наконечников бронзовых стрел (Янковская 1996б: 67–68). Пара колчанов 30 полновесных стрел равнялась следующей ступени мерной единицы – мине (60 сиклей, около 500 г). Тем самым есть основание предположить, что для крито-микенского мира, где «расхожая монета» в «темный период» приняла за основу обращения на внутреннем рынке обсидиан, речь идет о горсти обсидиановых стрел (десяток) или о пучке таких стрел в колчане (МАН 18566 – Женева 3). Именно такому количе-

ству наконечников стрел соответствует точка отсчета для *казначейских сборов* на Ближнем Востоке в III–II тыс. до н. э. – это был в Южной Месопотамии десятициклевик // дебен в Египте. Такая меченая казначейством города Ура гирька, рядом с двухциклевиком Каниша (вес пары стрел – ср. рельеф Ашшурнацирапала), показана на месопотамской выставке Эрмитажа. На Ближнем Востоке во II тыс. до н. э. деньги принимали уже не горстями, а счетом, но образуясь с реалиями денежного обращения периферии, включенной в ареал *единой* системы. Предвестником монеты могло быть редкое для древности скопление отгисков печатей в Лерне (Андреев 2002: 844) – знаков *личной ответственности*.

В архаический период жизни Крита 28 городов чеканили собственную монету (Казаманова 1979: 76–90) – свидетельство стремления к полицентрии властных структур в соответствии с веером направлений во внешних связях острова. Так, в наши дни свой особый чекан разменной монеты имеет каждая из стран Европы в числе перешедших на единую систему евро, которая состоялась только на уровне бумажных купюр. Эти два примера сопоставимы при уточнении следующего порядка: на Крите это масштабы городов-государств, самостоятельных по отношению друг к другу на *элитарном* уровне; в Европе – масштабы стран-государств, каждое из которых по идее моноэтническое, на уровне повседневных нужд своих граждан сохраняющее независимость.

Две стороны монеты в семантике контраста «богу – богово, кесарю – кесарево» раскрывают поляризацию властных структур, свойственную всем без исключения сообществам. Это отклик, с одной стороны, на внутренний голос кантовского категорического императива – основы *саморегуляции социума, а тем самым и жизнеспособности* любого правопорядка; с другой – на команду сверху, и оба звучат в унисон крайне редко. В одном из африканских языков закреплены два варианта первого лица *множественного* числа: «мы с вами» и «мы без вас». Разменная монета позволяет осуществить распределительную функцию власти на том уровне, где «мы с вами», то есть на уровне «хлеба насущного». Этот уровень в экстремальной ситуации важнее, чем элитарный. Как показывают клинописные архивы III–II тыс. до н. э., отсчет в денежном обращении шел от минимальной нормы содержания работника.

Строгие нормативы бюджета были разработаны в документации городов Южного Двуречья в XXI в. до н. э. (Козлова 2002: 157–178), и по законам Хаммурапи (1792–1750) молодой наемник в месяц получал 30 сиклей меди – на тот момент норму пропитания.

Коллекционерский снобизм, свойственный традиционной нумизматике, оценивал разменную монету как вовсе ничтожную. Пренебрежение к *базовому* уровню денежного обращения делает такие находки, как клад *мельчайших* медных монет в Вани (раскопки О. Лордкипанидзе), совершенно необъяснимыми. Монеты-стрелки (*обол*) были признаны в науке как разменная монета благодаря использованию их в сакральной функции. Повседневное назначение такой монеты заслонила связь ее с чудом культа Аполлона, небесного Лучника (Шелов 1987: 124–131). На Крите сюжет «счастливой охоты», когда, попадая в цель, охотник не убивает ни матку, ни детеныша, – их защищает Великая Богиня: подняв лабрис в правой руке, она стоит у входа в дом вечный (пещеру) – это сцена на ларнаке из Армени (префектура Ретимнона).

Спортивный тренинг молодежи, популярный повсеместно, предполагал военные рейды и при случае поступление на охранную службу и в войско. Плата кровью давала выход на международную арену. Используя героинку молодежи при захвате новых территорий, цари Ассирии принимали всех желающих в состав своей армии, причисляя их к *ассирийцам*. Точно так же поступали и римляне с гражданами завоеванных стран. Такие этники, как ахейцы, арьи, скифы, аланы, при ближайшем рассмотрении оказываются аборигенными обозначениями бойцов («вольное казачество»). Это явление рассмотрено И. М. Дьяконовым для этника «киммерийцы» (Дьяконов 1981: 90–100). Истинный этнический состав значительных воинских соединений был заведомо крайне пестрым. Достаточно взглянуть на сцены осады городов «ассирийцами» во дворце Синаххериба – среди осаждающих есть и ахейцы. Молодежь с отроческих лет привлекалась к общественным работам в городах всего ареала клинописных культур (шумер. *guruš-gemé* // аккад. *ṣuharu-ṣuhartu*). Но если предлагался выбор между рытьем колодцев и погромом соседей, то молодежь во главе с Героем выбирала риск погрома (Гильгамеш и Агга). Опорой войска были не «отцы», а «сыновья и братья» (20–30-летние). «Фантом» Крита или консорт богини – это ровесник юного

Амура Кановы, «первый порог» для мальчиков, переход от препубертатного возраста к пубертатному (12–13 лет), короткий период, в котором сосредоточены наиболее значительные для внутренней жизни события, нередко период особой одухотворенности. Здесь нет умаления мужского начала, но, как в Японии, достоинство женщины состоит в подчинении отцу, затем мужу, но более всего – юному сыну на пороге перехода его в статус полноправного мужчины. Сам Зевс, рожденный на Крите, почитался как Великий Курос, то есть «отрок», – глава пещерного братства куретов. В пещере горы Ида (Kofou 1992: 162–163) в регионе Тилиссы (см. выше) найден бронзовый барабан – принадлежность обряда боевой пляски молодежи, известной из шумерских дружинных песен до философской редакции эпоса о Гильгамеше (Дьяконов 1961; Афанасьева 1979). Изображение на барабане (Kofou 1992: ил. 54), стилистически восходящее к ассирийским рельефам, дает сугубо местную акцентуацию сакральной сцены. В центре, фланкированный крылатыми гениями, изображен не царственный Гильгамеш (Лучник Ашшурнацирапал рельефа Эрмитажа), а попирающий тура его дикий двойник Энкиду. Имя значит «изделие Энки» (аккад. Эйа // критск. Дедал). В иконографии героя на барабане представлен сам Минотавр. Флюгер перемен: то он Лев – фигура Дня, то Бык – фигура Ночи, Смерти как Покоя, соответственно то жертва, то победитель. Самая знаковая фигура для Крита – юный гимнаст, аналог эмбриона львенка на рукояти скифских кинжалов.

Благодаря мозаике свободных городов с *общественным* театром для Больших Дионисий в центре и палестрами для спортивных занятий молодежи Греция процветала, как заповедник, вплоть до организации Афинского морского союза. Противостояние имперским амбициям Ближнего Востока обернулось возникновением военного блока островитян и союзников для вторжения в этот богатейший регион. Античные источники не так надежны, как клинописная деловая документация, но чрезвычайно любопытны как живой голос самоутверждения островного региона, хранящего в памяти ретроспективное обоснование успехов эллинизации Мира. Клинописные литературные тексты также расходятся с тем, что известно по деловой переписке. Разработка канона всегда идет в ключе присущего официозу сервизизма. Таков гимн на 150-

километровый пробег Шульги (2093–2046) из Ура в Нишпур и обратно, совершенный царем за один день макушки лета (Афанасьева 1997). События, разделенные многими сотнями и даже тысячами лет, совмещаются ради доказательств избранности данного центра как способного обеспечить Возрождение Мира (пуп земли). В деловой сфере потребность поиска новизны не угасает, и здесь всегда преобладают *неформальные контакты коммерческого кредита*. Выход из хаоса, как правило, идет с откатыванием назад, к опыту предков. Если, отрицая ценности предшествующего периода, сохраняют заинтересованность во внешних связях, то регресс обратим. Международные контакты не терпят блокировки не только в деловой сфере, но и в культуре, способствуя распространению и переработке бродячих сюжетов. Корни культовой символики Ассирийской империи, в частности мифологему *двух Колесниц*, Большой (Иштар Ниневийская, Хозяйка Битвы) и Малой (Иштар Арбелы, Млекопитательница, Ковш Малой Медведицы), мы найдем на торцовых частях ларнака из Аяа Триады близ Феста (см. выше): одна колесница запряжена мулами (земная), другая – грифонами (небесная, заморская), в каждой сообразно специфике Крита помещены по две богини (Матрона и Дева). Эта мифологема возродится в символике буддийских Колесниц – Махаяны и Хинаяны, но именно Махаяна, Боевая Колесница (!), будет воспринята буддизмом средневекового Китая.

Путь на Восток через Иран докатился до Средней Азии к Парфянам с их культовым погребальным комплексом в Туркменской Нисе (Дьяконов и др. 1951–1979). Оттуда и шла волна династий скотоводов (энергетика эпохи), продержавшихся у власти на Ближнем Востоке почти тысячу лет благодаря поддержке горских регионов. Общество и право Ирана оставались глубоко архаичными как в парфянский, так и в сасанидский периоды: базовой единицей была домашняя община (дом/дым) (Периханян 1983). Консолидация воинских соединений агнатов-тысячников сохраняла строгое соподчинение внутри монолитной родоплеменной организации до тех пор, пока не притупилось активное подавление городского самоуправления и власти гегемона не рассредоточились по городам Ближнего Востока.

Триумфальный марш армии Александра Македонского состоялся ввиду готовности городов, объединенных тысячелетними де-

ловыми контактами, избавиться от все более обременительных поборов парфянских правителей. Была восстановлена ориентация на Запад в преддверии нагнетания очередной полосы великодержавных амбиций, осуществленных максимально не успехами милитаризации Рима, а провизантийской готовностью ойкумены принять Книгу Судеб из рук Вседержителя.

(Окончание следует.)

Литература

Андреев, Ю. В. 2002. *От Евразии к Европе: Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.)*. СПб.: Дмитрий Булавин.

Афанасьева, В. К.

1979. *Гильгамеш и Энкиду. Этические образы в искусстве*. М.: Наука.
1997. «От начала начал»: *Антология шумерской поэзии*. СПб.: Петерб. востоковедение.

Гаудио, А. 1977. *Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли*. М.: Наука.

Джандиери, М. И. 1981. Древнее башенное общинное жилище. *Вестник древней истории* 2: 118–155.

Дьяконов, И. М.

1961. *Эпос о Гильгамеше*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
1970. Арийцы на Ближнем Востоке. Конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков). *Вестник древней истории* 4: 39–53.
1981. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы»). *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (2 тыс. до н. э.)* (с. 90–100). М.: Наука.

1990. *Архаические мифы Востока и Запада*. М.: Наука.

1993. Три корня этногенеза (к постановке вопроса). *Кавказ и цивилизации Востока в древности и Средневековье: межвуз. сб. науч. трудов* (с. 4–6). Владикавказ.

1994. *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М.: Вост. лит-ра.

1998. Внешние связи шумерского языка. *Язык и речевая деятельность* 1: 108–114.

Дьяконов, М. М., Дьяконов, И. М., Лившиц, В. А. 1951–1979. Документы из древней Нисы (Дешифровка и анализ). *Налоговые парфянские документы II века до н. э. (Материалы ЮТАКЭ)*. М.; Л.

Казаманова, Л. Н. 1979. Некоторые вопросы социально-экономической истории критских полисов VI–IV вв. до н. э. *Вестник древней истории* 3: 76–90.

Канева, И. Т. 2002. Шумерские сложноподчиненные предложения. *История и языки древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 125–139). СПб.

Козлова, Н. В. 2002. Один пример «ложного» имени собственного в шумерских хозяйственных документах эпохи III династии Ура. *История языка древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 157–178). СПб.

Матье, М. Э. 1965. *Во времена царицы Нефертити*. Л.: Искусство.

Периханян, А. Г. 1983. *Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды*. М.: Наука.

Порхомовский, В. Я. 2002. И. М. Дьяконов и семито-хамитское историческое языкознание. *История и языки древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 249–258). СПб.

Столбова, О. В. 2002. Аккадско-чадские лексические параллели. *История и языки древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 268–279). СПб.

Шелов, Д. 1987. Монеты-стрелки в Нижнем Побужье. *Вестник древней истории* 4: 124–131.

Шифман, И. Ш. 1987. *Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н. э.)*. М.: Наука.

Хачикян, М. Л. 2002. Историко-типологический анализ эламского, хурритского и урартского языков: параллели и расхождения. *История и языки древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 314–326). СПб.

Янковская, Н. Б.

1956. Некоторые вопросы экономики ассирийской державы. *Вестник древней истории* 1: 28–46.

1963. Общинное самоуправление в Угарите. *Вестник древней истории* 3: 35–55.

1977. Древнейшая из горских богинь Тавра – Хозяйка зверей, в сюжетах Антонио Кановы. *Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина*: сб. (с. 73–79). Л.

1985а. Межобластное разделение труда. *Культурное наследие Востока*.

1985б. Оптовая торговля в древней Передней Азии до возникновения империй. *Вестник древней истории* 3: 3–8.

1985в. Торговая община Каниша и свободный рынок. В: Пиотровский, Б. Б., Иванов, В. В., Ардзинба, В. Г. (ред.), *Древняя Анатолия*: сб. (с. 228–242). М.

1986. К проблеме оптовой торговли Каниша (XIX в. до н. э.). *Uṣṣātu* – мельчайшая денежная единица. *Вестник древней истории* 2: 17–24.

1994. Новое о Мастере (Эйя). *Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина*: сб. (с. 216–219). СПб.

1996а. Идеальный календарь звездного компендиума muL.APIN. *Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина*: сб. (с. 28–35). СПб.

1996б. Наконечники стрел и формирование эталонного веса сикля. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского*: сб. (с. 67–68). СПб.

2002а. Казначейство города Ашшура – пролог империи («возвращение к матери» – ата-г-гí). *История и языки древнего Востока*: сб. памяти И. М. Дьяконова (с. 353–363). СПб.

2002б. Ориентация правозащиты. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского*: сб. (с. 69–73). СПб.

2003. Наследный принц – глава (театральной) лестницы = gabī simmilitim. *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского*: сб. (с. 74–80). СПб.

Янковская, Н. Б., Янковский, А. И. 1995. «Скрытое единство». Сопоставление гирек для балансных платежей в собрании Государственного Эрмитажа (Египет и Месопотамия). *Вестник древней истории* 2: 127–133.

Syssitia. Памяти Ю. В. Андреева. СПб.: Алетейя, 2000.

Buchholz, H. G. 1982. Syrien und Zypern / Kreta / Griechenland (Land des Baal. Syrien). *Forum der Völker und Kulturen*. Mainz am Rhein: Verlag Phillipp von Zabern.

Bilgiç, E., Bayram, S. 1990/1995. *Ankara Kültepe Tabletleri* (Tafeln), I–II. Ankara.

Collon, L., 1993. Another Old Assyrian Document from Syppar. In Mellink, M., Porada, E., Özgüç, T. (eds.), *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbours. Studies in Honor of Nimet Özgüç* (p. 117–119). Ankara.

Goblot, H. 1979. *Les Qanats, une Technique d'Acquisition de l'eau* (école des hautes études en sciences sociales, centre des recherches historiques). Mouton ed. Paris; N. Y.

Güterbock, H. G. 1993. Sungod or King? In Mellink, M. J., Porada, E., Özgüç, T. (eds.), *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbours. Studies in Honor of Nimet Özgüç* (p. 225–226). Ankara.

Diakonoff, I. M. 1984. An Evaluation of Eblaite. *Studies on the language of Ebla (Quaderni di Semitistica, 13)*. Firenze.

Diakonoff, I. M., Jankowska, N. B. 1991. An Elamite Gilgamesh Text from Argishtihinele, Urartu Armavir-Blur 8 century B.C. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 80(1): 102–123.

Eisser, G., Levy, J.

1930. *Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kül-tepe*. Mitteilungen der Vorderasiatisch Aegyptischen Gesellschaft (MVAeG) 33/1–2.

1935. *Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kül-tepe*. Mitteilungen der Vorderasiatisch Aegyptischen Gesellschaft (MVAeG) 35/3.

Hirsch, H. 1972. *Untersuchungen zur Altassyrischen Religion*. Archiv für Orientforschung, Bh. 13/14.

Jankowska, N. B. 1967. A System of Rotation of the Commercial Association at Kanish. *Archive Orientalni*. Praha.

Kanta, A. 1998. *Phaistos – Hagia Triadha – Girtyn* (p. 30). Athens.

Kofou, A. 1992. *Crete. All the Museum and Archaeological Sites*. Athens.

Liverani, M. 1988. *Antico Oriente: Storia, Società, Economia*. Roma – Bari.

Özgüç, T. 1988. *Inandik-tepe – An Important Cult Center in the Old Hittite Period, Türk Tarih Kurumu Basimevi*. Ankara.

Shibutani, T. 1978. *The Derelicts of K compani (A Sociological Study of Demoralization)*. Berkeley; Los Angeles; London.

Steiner, G. 1993. Acemhöyük – kârum Zalpa «im Meer». In Mellink, M. J., Porada, E., Özgüç, T. (eds.), *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbours. Studies in Honor of Nimet Özgüç* (p. 579–599). Ankara.

Veenhof, K. R. 1987. «Dying» Tablets and «Hungry» Silver. In Mindlin, M., Geller, M. J., Wansbrough, J. E. (eds.), *Figurative Language in the Ancient Near East*. London: School of Oriental and African Studies.

Werr Lamnia Al-Galiani. 1993. The Diyala Region und Old Assyrian Evidence from the Seals. In Mellink, M. J., Porada, E., Özgüç, T. (eds.), *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbours. Studies in Honor of Nimet Özgüç* (p. 659–662). Ankara.